

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ СССР

МАВРОДИН В. *Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.).* Изд. Ленинград. гос. университета. 1940. 320 стр. 30 руб.

В работе В. В. Мавродина, являющейся его докторской диссертацией, пять глав: I. Географический очерк Северской земли; II. Дофеодальный период; III. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение феодализма; IV. Днепровское Левобережье в составе Киевского государства; V. Период феодальной раздробленности.

Книга В. В. Мавродина затрагивает много интересных проблем истории древней Руси. Можно сказать, что содержание книги гораздо шире ее заглавия и представляет собрание большого материала по русским древностям вообще. Достоинством книги, помимо постановки ряда важных исторических проблем, является использование автором не только письменных источников, но также археологических памятников и лингвистических данных. Заслуживает внимания попытка автора использовать и работы Н. Я. Марра для выяснения вопроса о происхождении племен.

Новая книга В. В. Мавродина, имеющая, таким образом, положительные данные, вызовет несомненное внимание как советских историков, так и всех интересующихся эпохой древней Руси.

Нельзя, однако, умолчать о некоторых недочетах данного исследования. Первое, что можно поставить в упрек автору, — это значительные отступления его в сторону жизни не только Киева, радимичей и вятичей, но также и далеких Тмуторокани, Новгорода и Галиции. Так, можно отметить большие сторонние экскурсы: о восстании волхвов и смердов на севере (стр. 173—181), о походах Руси на Каспий (стр. 125—132), о вещественных памятниках Тмуторокани (стр. 121—125), о социальной борьбе в Галиции (стр. 223—226, 230—237) и др. Это отвлекает внимание читателя от основной темы книги и таит в себе опасность беглого, несколько упрощенного рассмотрения такого рода вопросов.

Далее, заслуживает быть отмеченным отношение В. Мавродина к источникам и

пособиям: данные источников нередко берутся из вторых и даже из третьих рук. Так например византийские авторы цитируются по рукописному курсу истории СССР (стр. 33). Подобные ссылки — вообще не редкость в этой книге. В пользовании пособиями также нет должной градации, и автор иногда апеллирует к авторитету бытописателя города Рыльска, некоего Н. Сенаторского (стр. 50, 120, 309, 313 и др.), оставляя без внимания ряд солидных работ известных ученых.

Особенно не посчастливилось работам покойного академика А. А. Шахматова. Автор очень редко и не всегда удачно вспоминает о выдающихся работах Шахматова и не пользуется ими при рассмотрении ряда вопросов, разбиравшихся покойным академиком. Ввиду этого у автора, например, не обоснованы и противоречивы данные из летописной хронологии IX—X вв. (стр. 112—114, 130 и др.): так, с одной стороны, даты, связанные с Олегом, вызывают сомнение у автора (стр. 113), с другой стороны, автор верит в точность даты смерти Олега (стр. 130) и т. д. Встречающиеся в книге ссылки на труды Шахматова нередко неудачны. Так, говоря об антах, В. В. Мавродин ссылается на известную работу Шахматова — «Древнейшие судьбы русского племени», — приписывая ему сближение антов с вятичами (стр. 31), между тем как Шахматов именно в этой работе категорически утверждал, что имя антов «невозможно связывать с именем вятичей» (в упомянутой книге, стр. 11). Внимательное знакомство с этой небольшой книжкой Шахматова могло бы удержать В. Мавродина от некоторых поспешных суждений его об антах.

Невнимание автора к большому труду Шахматова — «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» — имеет своим последствием, например, усвоение им совершенно неудачного объяснения тов. Рыбаковым того обстоятельства, что в летописи по два раза говорится о покорении радимичей и вятичей. Это объяснение сводится к тому, что в повторениях проявляется «отражение столкновений во время сборов дани» (стр. 117—118); Рыбаков и Мавродин в данном случае не учитывают того, что подобные столкновения, естественно, могли возникать ежегодно, и не считаются со своеобразием отношений Киева к племенам и сложностью самой летописной композиции.

К числу таких же промахов автора относится, например, приписывание тов. Рыбакову сближения имени антов с «Вантит» и «Артанией» арабских писателей (стр. 35), между тем как это сопоставление принадлежит известному чешскому слависту-археологу Любору Нидерле. Таких промахов можно указать немало.

Автор очень увлекается ролью и значением антов на заре нашей истории, слишком категорически разрешает вопрос о них (стр. 30—35), забывая о скудости имеющихся о них материалов и о том, что «антская археология» — термин весьма условный и проблематичный.

В вопросе о смердах автор также слишком увлекается, явно выходя за рамки данной эпохи, когда говорит: «Сидя на земле феодала, смерд превращается в его собственность, передается по наследству, продается, дарится, как дарится и передается любая вещь» (стр. 101).

Вообще вопрос о взаимоотношениях социальных групп в достаточной степени автором не выяснен. Особенно неясным остается вопрос о крупных феодалах и их отношениях к дружинникам; автор то противопоставляет их друг другу (стр. 147, 151, 195—196 и др.), то объединяет их (стр. 146—147, 153 и др.) и в то же время говорит о каком-то «мельчайшем боярстве» (стр. 154). Тут, между прочим, автор высказывает такую точку зрения, что «феодализирующаяся полуродовая» социальная верхушка во «времена далеких походов Олега, Игоря, Святослава» «оторвалась от земли, от зябств» и «лишь со времен Владимира получила возможность целиком заняться вотчинным хозяйством» (стр. 195—196). Но, во-первых, кто же в таком случае в этом X веке вел «хозяйство на земле» и являлся действительным феодалом? Во-вторых, летопись говорит о другом: «лучшие люди», «иже державу Деревскую землю», в том же, X веке идут не с Игорем, а со своим племенным князем Малом против Игоря (945 г.).

В связи со всем этим неясны и отличительные черты княжеской социальной политики в Северной земле. Протестуя против приписывания черниговским Ольговичам «демократизма» (стр. 152—153), автор вместе с тем пишет: «Одновременно со стремлением опереться на местную знать, на туземные феодальные и торговые элементы, на местную феодальную дружину («тысячу», «полк»), черниговские князья подчеркивали свое высшее уважение к вече» (стр. 175); от такой фразы один шаг к признанию тротатального единения князя со всей своей землей. А между тем автор явно отдает предпочтение Мономаховичам перед Ольговичами (стр. 186—189, 206 и др.).

Следует отметить, что у автора, описывающего эпоху феодализации, как-то не вяжется с общей картиной феодальных отношений стремление выдвигать и подчеркивать роль сильных князей, последовательно господствовавших в это время на Руси. Автор явно идеализирует Владимира Мономаха, ставя ему в особую заслугу, между прочим, то, что он строит город Владимир, населенный ремесленниками, сослужившими службу его внукам. Тот же эле-

мент идеализации мы видим и в отношении к внуку Мономаха—Андрею Боголюбскому (стр. 243, 252 и др.). А так как между Момахом и Андреем получается некоторый перерыв в наличии сильного князя на Руси, то автор готов между ними выдвинуть бесцветного и неудачливого сына Мономаха и отца Андрея—Юрия Долгорукого, приписывая ему какую-то особенную «систему вотчинного хозяйства, сочетающегося со всевозможного рода поборами», а также «стремление вернуть времена Мономаха» и создать такую политику, которая была «прототипом политики его сына—Андрея» (стр. 243).

Нельзя признать удачной попытку автора объяснить раздачу Ярославом Мудрым городов и земель своим сыновьям сознательным содействием его «политическим тенденциям и стремлениям самого боярства к самостоятельности», а также «желанию боярства организоваться для эксплуатации сельского населения и закрепить за собою господствующую роль в земле, что было важно для походов и установления торговых связей» (стр. 156). Но, говоря о выделении одному из Ярославичей Переяслава, автор сам признает, что подобные стремления переяславского боярства «не имели за собой достаточных оснований» (стр. 156).

Исключительное и, пожалуй, излишнее большое внимание автор уделяет Тмуторокани, которой посвящены десятки страниц в книге. Однако он не дает определенного разрешения этой исторической загадки, приводя явно непримиримые, несогласованные данные о начале Тмутороканского княжества и проблематичные до фантастичности предположения о конце его.

Здесь мы встречаем привычную манеру компромиссного разрешения проблемы: следуя за Марром в признании в районе Тмуторокани давнего существования «реальных россов» и славянского населения (стр. 27—29, 47—49, 126 и др.), автор в то же время не может отречься от традиции буржуазной историографии приписывать организацию Тмутороканского княжества «налетам» Руси с Днестра в поздние времена Святослава и Владимира (стр. 50, 126, 132 и др.). Та же компромиссность и в вопросе о взаимоотношениях северянского населения с северокавказским: с одной стороны, отмечается их давняя связь (стр. 37, 41, 53, 59 и др.), с другой—дань традиции: Тмуторокань—позднейшая «колония» Северщины (стр. 135 и др.).

То же и по норманскому вопросу: с одной стороны, «не отрицая наличия в составе «Руси» «собственно норманов», автор не может признать в «Руси» «исключительно норманов» (стр. 47), причем в данном случае игнорируется все предыдущее построение, основанное на теории Н. Я. Марра.

Компромиссность проявляется и в разрешении вопроса о князе Мстиславе: с одной стороны, автор готов признать Мстислава не сыном Владимира (ссылка тут на Шахматова (стр. 132) опять неудачна), а местным князем, а с другой стороны, приписывает ему стремление вернуться из колонии Тмуторокани в ее метрополию—в Чернигов (стр. 135—136), причем, однако,

северяне представляются для Мстислава как «нечто чуждое» (стр. 136), вопреки и теории о «колонии» и всем прежним суждениям о связи северян с Кавказом.

Попытку автора затронуть вопрос о происхождении украинского и белорусского языков и народностей (стр. 302—304) нельзя считать серьезной: она носит характер легкого эскиза, брошенного вскользь, мимоходом.

Из мелочей можно отметить именование половецкого хана Кончака «Отроковичем» (стр. 256—257): летописный «Отрок» получился, конечно, из половецкого имени «Атрек», каковое имя встречается в грузинской летописи.

Конечно, можно много еще высказать недоумений и поставить автору ряд вопросов. В общем нужно констатировать в книге отсутствие единой, цельной концепции, отмечавшееся стремление к компромиссному примирению непримиримых противоречий, наличие постоянных оговорок и частой несогласованности суждений. В данном случае сказалась перегруженность книги обильным и разнообразным материалом. Думается, что книгу следовало бы тщательно пересмотреть, хорошенько проредактировать весь ее материал и вдохнуть в нее «дшу живую». Однако даже в настоящем своем виде она будет полезна для читателей.

В. Пархоменко

«20 років під ярмом польських панів». Державне видавництво політичної літератури при РНК УРСР. Київ. 1940. 64 стр.

Авторы брошюры «20 лет под игом польских панов» не ставили перед собой задачи—дать систематическое изложение истории Польши за период с 1919 до 1939 года. Тем не менее эта брошюра для советского читателя представляет известный интерес. В основу ее положены архивные материалы бывших польских учреждений (фонды львовского воеводского управления, окружного криминального суда, инспекции школ, полиции, жандармерии и фондов газет «Наша правда», «Сильроб», «Курьер львовский», «Дило» и др.). Кратко анализируя эти материалы, авторы рассказывают об экономическом и политическом положении трудящихся масс Западной Украины, находившихся 20 лет под гнетом польских панов и буржуазии.

Образование польского государства было делом рук англо-франко-американского империализма, вышедшего победителем из первой империалистической войны. «Из Польши Версальский мир создал государство-буфер... который Антанта рассматривает как оружие против большевиков»¹.

Санкционируя границы лоскутного польского государства, англо-французские им-

периалисты всеми силами и средствами помогали польским панам подавлять революционное движение народов бывшей Польши, боровшихся вместе с народами Советской России за власть советов, и создали там плацдарм интервенции против Советской республики.

Организовав и вооружив польскую армию в 1919—1920 гг., руководители Антанты, опираясь на авантюристически настроенную армию Польши, попытались удюшить Советскую республику при помощи польских войск. Естественно, что «эта война с Польшей оказалась более непосредственной войной против Антанты, чем предыдущие войны»².

Панской Польше удалось спастись тогда от окончательного разгрома лишь благодаря всесторонней помощи империалистов Запада и черной измене троцкистско-тухачевских предателей.

В угоду западноевропейскому капиталу, польской буржуазии и шляхте были принесены в жертву многие миллионы украинцев, белоруссов, литовцев, евреев, очутившихся в рабских цепях «великодержавной Польши».

С самого начала существования «независимой» Польши польские правители разделили ее на Польшу «А» и Польшу «Б». Первая — коренная Польша, вторая — окраины, или «крессы», как называли ее официально. Западная Украина и Западная Белоруссия были «крессами» и составляли 51% всей территории Польши.

Основная промышленность была сконцентрирована в Польше «А». Окраины были ее колониальным придатком. В одном из документов львовского воеводского управления, приведенных в брошюре, говорится: «Здесь (в Польше «А») концентрируется около 80% металлической, электрической, бумажной, текстильной промышленности, около 80% производства кирпича, соды, соли и сахара. Здесь имеется около 80% заводов, наибольшее количество водопроводов, механических хлебозаводов, наибольшая сеть железнодорожных и трамвайных линий, больше 80% типографий, культурных и лечебных заведений» (стр. 5).

Промышленность Западной Украины не развивалась, а, наоборот, из году в год сокращалась. Подавляющее количество занятых в производстве рабочих вело полуголодное существование. Еще более хищническую политику проводили польские оккупанты в селах. Нищета, разорение, голод и полуфеодалный гнет — вот что характерно для западноукраинского села. Наиболее сильным бичом западноукраинского села было осадничество. Колонисты-осадники состояли в большинстве из бывших польских офицеров и унтер-офицеров, принимавших участие в борьбе против Советского Союза в 1920 году.

Польские оккупанты передали осадникам лучшие земли, леса и снабжали их сельскохозяйственным инвентарем. Насаждая осадников на окраинах, польские правители стремились ополячить украинцев и бе-

¹ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 401.

² Там же.